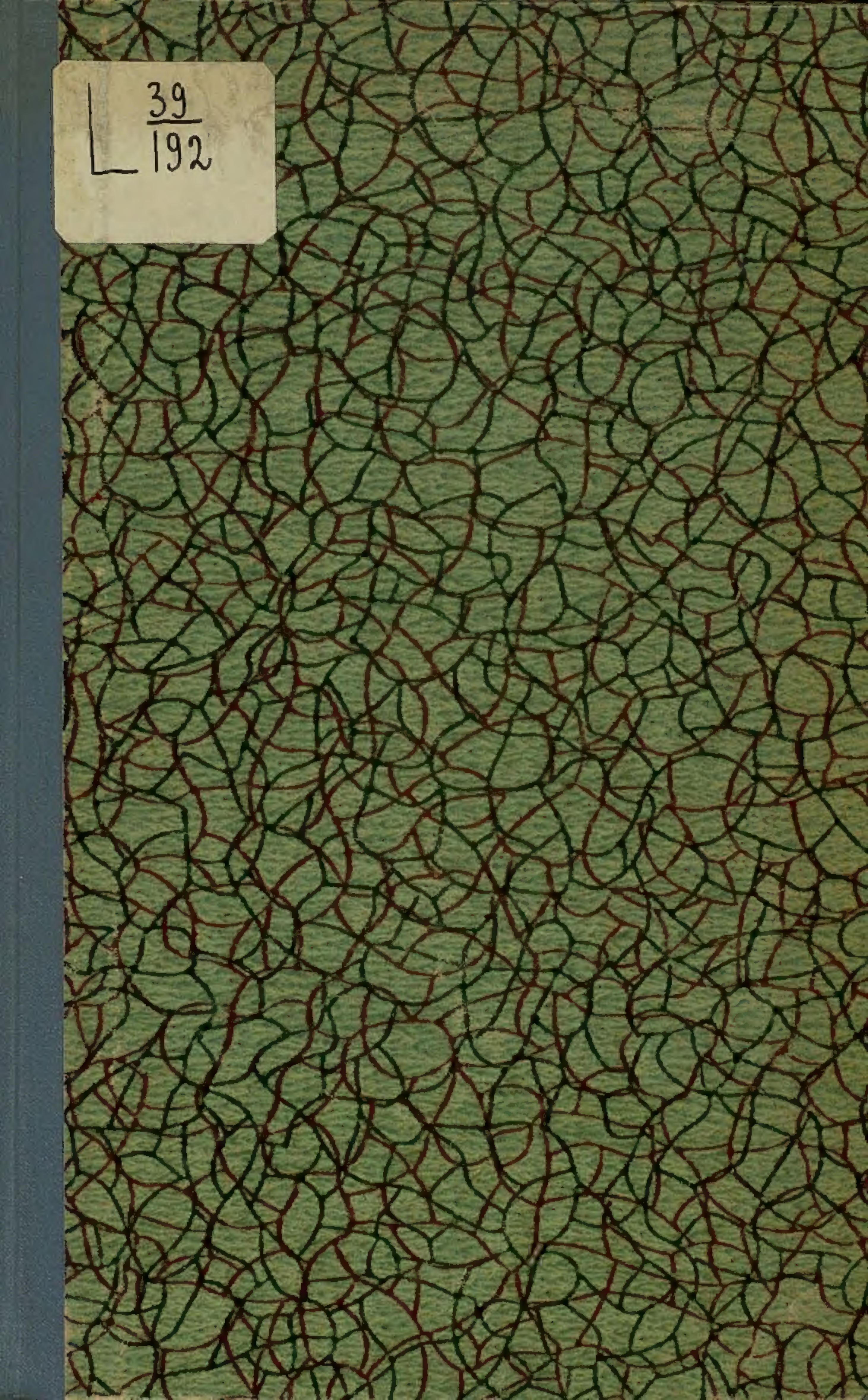

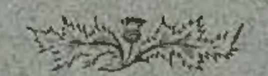
L 39/192

Н. Ѳ. АКАЕМОВЪ.

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ

ВЪ XIV--XVIII ВѢКАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

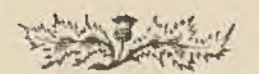
КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1895.

Н. Ѳ. АКАЕМОВЪ.

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ

ВЪ XIV–XVIII ВѢКАХЪ.

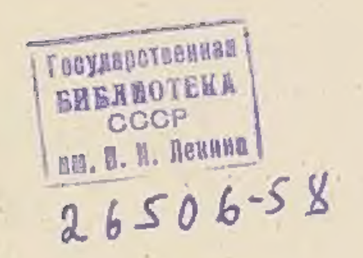
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ XI тома «Извѣстій Общества Арх., Ист. и Этногр.» за 1893 г.).

ГОРОДЪ КУРМЫШЪ ВЪ XIV—XVIII ВѢКАХЪ [1]).

Движеніе Руси на востокъ, начавшееся еще во времена первыхъ князей, послѣ построенія Нижняго Новогорода (1221 г.) надолго было прервано татарскимъ погромомъ. Только чрезъ сотню лѣтъ Русь настолько оправилась отъ нестроеній, вызванныхъ татарскимъ нашествіемъ, что получила возможность при защитѣ восточныхъ окраинъ перейти въ наступленіе.

Въ 1367 г. на Нижегородское княжество сдѣлалъ набѣгъ ордынскій князь Булакъ-Темиръ, завладѣвшій предъ тѣмъ Болгарской землей. Булакъ Темиръ опустошилъ Городецкія волости и пошелъ было на Нижній, но князья Борисъ и Дмитрій Константиновичи общими силами прогнали татаръ за р. Пьяну. Булакъ-Темиръ бѣжалъ въ Золотую Орду и былъ тамъ убитъ по приказанію хана Агиса, а въ Болгарской землѣ захватилъ власть князь Асанъ. Въ 1370 г. по приказу хана Мамая кн. Дмитрій Константиновичъ Суздальскій послалъ брата, кн. Бориса, и сына, Василія, съ большою ратью на

1) Въ предлагаемомъ очеркѣ мы намѣрены изложить исторію одного ъ этаповъ великаго пути, пройденнаго Русью въ движеніи ея на востокъ,— аленькаго городка Симбирской губерніи, игравшаго нѣкогда на восточной краинѣ Руси такую же роль, какую исполняютъ нынѣ среднеазіатскія наши твердыни. Разсказъ нашъ не можетъ претендовать на полноту и обстоятельность, что зависитъ отъ отрывочности попавшихъ въ печать свѣдѣній о прошломъ Курмыша. Случайно уцѣлѣвшія и случайно же напечатанныя грамоты смутнаго времени, писцовая книга, отрывочныя извѣстія лѣтописи и кое-какіе акты, наконецъ, нѣкоторыя преданія о Пугачевщинѣ, услышанныя отъ старожиловъ,—вотъ тѣ данныя, на которыхъ основанъ нашъ очеркъ.

болгарскаго Асана [1]). Русскіе, хотя и взяли отъ Асана дары, но свергли его и поставили князем „Салтанъ-Бекова сына".

Воюя по приказу Мамая, князья не ограничились лишь полученіемъ даровъ отъ Асана, но постарались и о расширеніи своей территоріи на счетъ болгарскаго князька. Вскорѣ послѣ похода на Асана, князь Городецкій Борисъ Константиновичъ „постави себѣ городъ на рѣцѣ на Сурѣ и нарече его именемъ Курмышъ" [2]) (въ 1372 г.).

Курмышъ былъ построенъ верстахъ въ сорока отъ устья Суры на возвышенности лѣваго берега, омываемой съ двухъ сторонъ водами весенняго разлива рѣки. Сура въ то время протекала, вѣроятно, гораздо ближе къ городу, чѣмъ теперь. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ она, по словамъ старожиловъ, протекала въ ста саженяхъ отъ города, нынѣ же отошла отъ него почти за версту.

Весьма вѣроятно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ поставленъ „городъ", существовалъ уже поселокъ инородцевъ. Финскій корень слова „курмышъ" даетъ право предположить, что на мѣстѣ Курмыша находилось нѣкогда финское селеніе, вѣроятно, мордовское. Рѣка Сура въ низовьяхъ своихъ является границей разселенія двухъ племенъ—мордвы и чувашъ. Послѣдніе живутъ преимущественно по правому берегу Суры, мордва же встрѣчается исключительно на западъ отъ рѣки. Что въ окрестностяхъ Курмыша жила нѣкогда мордва, подтверждаетъ и то обстоятельство, что жители сосѣднихъ съ Курмышемъ селъ Шокина и Кекина (васильсурскаго уѣзда, верстахъ въ пяти отъ Курмыша) слывутъ у сосѣдей мордвой, хотя сами и считаютъ себя коренной Русью. На ту же мысль наводитъ и названіе одного изъ курмышскихъ озеръ - озера Мордва. Первое время послѣ постановленія города Курмышъ находился на окраинѣ новопріобрѣтенныхъ земель, представляя пограничный укрѣпленный пунктъ на юго-востокѣ княжества Нижегородскаго.

---

[1]) П. С. Р. Л., VIII, 17.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 19.

Границы нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ концѣ XIV вѣка можно приблизительно опредѣлить по жалованной грамагѣ кн. Бориса Константиновича нижегородскому Спасскому (Благовѣщенскому) монастырю 1393 года [1]). Граматой этой князь пожаловалъ монастырю всѣ озера, рѣчки и бобровые гоны внизъ Сурою по рѣку Волгу отъ рѣчки Курмышки. Въ граматѣ перечислены пожалованныя монастырю озера (названія ихъ и теперь тѣже). Большая часть этихъ озеръ находится между Курмышемъ и Нижнимъ и только два озера лежатъ верстахъ въ семи къ югу отъ города (за р. Курмышкой).

Это обстоятельство позволяетъ предположить, что и граница нижегородскихъ владѣній на Сурѣ въ XIV вѣкѣ проходила не далѣе, какъ верстахъ въ семи-восьми на югъ отъ Курмыша.

Изъ упомянутой выше граматы видно, что князь Борисъ Константиновичъ при заселеніи новыхъ земель прибѣгъ къ старому, испытанному средству, къ помощи монастырей, оказавшихъ впослѣдствіи не малыя услуги въ дѣлѣ развитія гражданственности среди инородческаго населенія Посурья. Князь Борисъ, отдавая угодья въ пользованіе Нижегородскаго монастыря, разрѣшилъ ему поселять крестьянъ на пожалованыхъ земляхъ и предоставилъ поселенцамъ этимъ льготы въ платежѣ пошлинъ, а также запретилъ курмышскимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ судъ и расправу монастырскихъ селеній [2]).

Мало по малу русскія владѣнія на Сурѣ увеличивались новыми землями не только по лѣвому, но и по правому берегу рѣки, какъ это видно изъ первой духовной великаго князя Василія Дмитріевича 1406 года [3]). „И дастъ Богъ“, говорится въ этой духовной „сыну моему князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ, ино княгинѣ моей изъ Новагоро-

[1]) Акты археограф. экспед., I, № 12.

[2]) Записки археолог. общ., т. X.

[3]) Собр. гос. грам. и договор., т. I, стр. 73. Нижегородское княжество было присоединено къ московскому въ 1392 г.

да половина пошлинъ новогородскихъ, да Курмышъ совсѣми селы и зъ бортью и съ путми и зъ пошлинами, и совсѣмъ, што къ нему потягло, и съ Алгашемъ; а изъ Мурома ей сельце".

Алгашъ, правый притокъ Суры, протекающій на юго-востокъ отъ Курмыша, упоминается въ духовной отдѣльно отъ Курмыша и отъ того, „что къ нему потягло". На основаніи этого можно заключить, что Алгашъ былъ присоединенъ вновѣ.

Послѣдующій ходъ присоединенія и колонизаціи Посурья въ XV вѣкѣ прослѣдить невозможно, потому что напечатанные до сего времени источники по исторіи Поволжья не даютъ никакихъ указаній относительно этого интереснаго вопроса. Лишь подъ 1446 годомъ снова встрѣчается въ лѣтописяхъ упоминаніе о Курмышѣ, именно въ повѣствованіи о войнѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго съ ханомъ Улу-Махметомъ.

Начиная съ походовъ Улу-Мухамеда, восточная окраина московскаго государства стала подвергаться частымъ набѣгамъ татаръ, которыхъ Улу-Махметъ сплотилъ около Казани. Въ это время Курмышъ имѣлъ, надо полагать, важное значеніе, какъ сторожевой пунктъ на юго-восточной границѣ Руси. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ извѣстій о Курмышѣ этого времени.

Весьма скудны также свѣдѣнія о Курмышѣ послѣ завоеванія казанскаго царства Иваномъ Грознымъ. Извѣстно только, что въ то время Курмышъ управлялся воеводами и что у него былъ свой уѣздъ, образовавшійся изъ новопріобрѣтенныхъ земель на югъ отъ города.

Въ годъ взятія Казани (1552) былъ основанъ на Сурѣ Алатырь, который вмѣстѣ съ основаннымъ ранѣе Васильсурскомъ несъ такую же, какъ Курмышъ, сторожевую службу. Изъ Алатыря посылались разъѣзды по Сурѣ. Курмышъ посылалъ свои „сторожи" и на востокъ и на юго-западъ на Цну [1]).

---

[1]) «Симб. Сборн.», II, 11.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ городовъ въ Посурьѣ возникъ еще городъ Ядринъ (въ двѣнадцати верстахъ къ сѣверу отъ Курмыша), названный такъ, по словамъ преданія, потому, что въ Ядринѣ лили ядра для войска Ивана Грознаго. Въ концѣ XVI вѣка въ курмышскомъ уѣздѣ возникло не мало селъ и деревень. Въ „граматахъ и отпискахъ" 1611 г. упоминается нѣсколько курмышскихъ селъ вмѣстѣ съ нижегородскими селами Княгининымъ [1]), Мурашкинымъ, Шершовымъ. возникновеніе которыхъ можно отнести тоже къ этому времени. Ранѣе покоренія Казани едва ли возможно было основаніе селъ и деревень въ этомъ краѣ, постоянно подвергавшемся нападеніямъ татаръ.

Семнадцатый вѣкъ гораздо богаче свѣдѣніями о Курмышѣ, нежели предшествующій. Отъ смутнаго времени сохранилось нѣсколько любопытныхъ данныхъ объ отношеніяхъ Курмыша къ „вору".

Курмышъ, населеный, какъ и другіе окраинные города, вольницей, очень симпатизировалъ затѣямъ самозванцевъ.

Курмышане признали царемъ перваго самозванца, а за второго начали было даже „войну" съ казанцами. Вмѣстѣ съ алатырцами, ядринцами, арзамасцами, темниковцами и касимовцами курмышане поднялись противъ Казани, не признававшей „тушинскаго вора". Возстали противъ Казани также и инородцы: мордва, горные чуваши и черемисы. Въ отпискѣ казанскихъ воеводъ вятчанамъ объ этомъ походѣ [2]) упоминаются въ числѣ „воровъ" князья Еналѣйко Шугоровъ и Брюшейко Яникѣевъ, судя по именамъ, тоже инородцы.

Ополченіе двинулось къ Свіяжску, чтобы, завладѣвъ имъ, напасть на Казань. Казанскіе воеводы Василій Морозовъ, Богданъ Бѣлинскій, Никифоръ Шульгинъ и Степанъ Дичковъ „послали изъ Казани въ горную сторону, на тѣхъ воровъ, головъ Осипа Зюзина да Ондрея Хохлова съ товарищы, а съ ними казанскую многую рать, дворянъ и дѣтей боярскихъ и

---

[1]) Нынѣ уѣздный гор. Нижегор. губ.

[2]) Акты истор., II, № 114.

служилыхъ князей и мурзъ, и новокрещеновъ, и татаръ, и чювашу, и черемису, и вотяковъ, и лаишевскихъ полопянниковъ и бусорманъ, и казанскихъ многихъ стрѣлъцовъ, съ вогненнымъ боемъ и съ нарядомъ; и марта въ 11 день писали... казанскіе головы, что они на тѣхъ воровъ пришли марта въ 10 день и Божьею милостію и Пречистыя Богородицы новоявленнаго образа иже въ Казани, и великихъ казанскихъ чюдотворцовъ Гурья и Варсонофья и всѣхъ святыхъ молитвами и государевымъ царевымъ, и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи счастьемъ, и всѣхъ ратныхъ людей ко государю прямою ихъ службою, тѣхъ воровъ въ горной сторонѣ, въ деревнѣ въ Бурундуковѣ, побили всѣхъ наголову, и многихъ поимали, и набаты и знамена ихъ взяли".

Несмотря на неудачу подъ Бурундуковымъ, курмышане продолжали держать сторону самозванца даже тогда, когда въ Нижнемъ стало собираться ополченіе для похода въ Москву на поляковъ.

Отъ этого времени сохранились граматы и отписки воеводѣ курмышскому Смирному Васильевичу Елагину 1611—1612 годовъ [1]), который самъ по себѣ интересенъ какъ типичный представитель дѣльцовъ смутнаго времени.

Граматы и отписки эти показываютъ, сколько противныхъ теченій, шатаній отъ одного къ другому, мелкихъ споровъ и несправедливыхъ претензій приходилось преодолѣвать вождямъ нижегородскаго ополченія, прежде чѣмъ они могли двинуться въ походъ, чтобы „за провославную христіанскую вѣру и за святую Божью церковь" стоять противъ польскихъ и литовскихъ людей. Дѣла нижегородскаго ополченія шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы не рознь городовъ и не задержки со стороны дѣльцовъ, подобныхъ Елагину.

Чтобы отбояриться отъ посылки ратныхъ людей въ Нижній, у курмышскаго воеводы была одна отговорка—неимѣніе денегъ. А такъ какъ изъ Нижняго постоянно требовали рат-

---

[1]) Лѣтоп. зан. арх. комм., вып. I.

выхъ людей, то Елагинъ сталъ посылать „для доходовъ“ въ чужіе уѣзды, полученныя же такимъ путемъ деньги куда-то исчезали безслѣдно. Въ семи граматахъ (изъ двадцати трехъ) рѣчь идетъ объ этихъ самовольныхъ вторженіяхъ въ чужой уѣздъ, при чемъ повторяется настоятельное требованіе присылки „дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, казаковъ“ въ нижегородское ополченіе.

Елагинъ отправлялъ своихъ людей „для доходовъ“ въ нижегородскія села Княгинино, Шахманово, Мурашкино, посылалъ какого-то Алешку Уварова „по великой и сильной московскаго государства бояръ и воеводъ князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, Ивана Мартыновича Заруцкаго и всей земли грамотѣ въ Курмышскій уѣздъ, въ деревню Шершову“ затѣмъ, чтобы „отказати ту деревню дьяку Афонасью Овдокимову въ помѣстье со всѣми угодьи“.

Уваровъ доносилъ, что Шершовцы отказались признать своимъ помѣщикомъ дьяка Овдокимова на томъ основаніи, что они живутъ не въ курмышскомъ, а въ нижегородскомъ уѣздѣ и „за помѣщики-де не бывали ни за кѣмъ, сами-де мы земскую служимъ службу“.

Вторженія Елагина въ чужой уѣздъ вызвали нѣсколько граматъ, одна другой энергичнѣе, отъ кн. Пожарскаго, дьяка Василія Юдина, Ивана Ивановича Биркина (казанскаго дѣятеля начала XVII вѣка, уѣхавшаго изъ Нижняго въ Казань, потому что ему „били челомъ Нижнева Новагорода всякіе люди, чтобъ ѣхать въ Казань для ратныхъ людей“) и др. Въ граматѣ (№ 5) отъ 25 дек. нижегородскіе вожди писали Елагину: „и впредь бы тебѣ въ нижегородскимъ уѣздѣ въ княгининскую и тихмановскую волость не вступатися и въ Нижній къ намъ съ указомъ не писати, а въ Нижнемъ слушаютъ указъ изъ поугородскія чети за приписью дьяковъ Друговорылдина (?)“.

Въ слѣдующей граматѣ (№ 6) нижегородцы, выведенные изъ терпѣнія уловками Елагина, пишутъ ему цѣлое поученіе объ обязанностяхъ гражданина, любящаго свою родину. „Все православное, христолюбивое воинство, говорится въ граматѣ,

желаютъ за имя Божіе умирать и битися до смерти а ты присылаешь для доходовъ! Кого тебѣ на Курмышѣ жаловать, а хотя и есть кого, и тебѣ Курмышомъ однимъ не оборонить Москвы. А вѣдаешь, господине, что всѣ городы согласились съ Нижнемъ, понизовые, и поморскіе и поволскіе и Рязань, и всякія доходы посылаютъ въ Нижній Новгородъ и хотятъ, прося у Бога милости, побороть и умереть за благочестивую вѣру и за свои души. А какое учинится худо и начнется кровь твоею ссорою, и того всего Богъ взыщетъ на тебѣ, и земскаго совѣту и здеся отъ бояръ и отъ всея земли отмщеніе примешь".

Очевидно, что въ Нижнемъ, сильно заподозрили Елагина въ желаніи „учинить худо", стать на сторону „воровъ". Подозрѣнія эти были вызваны, вѣроятно, заявленіемъ двухъ курмышанъ Бориса Спицова и Данила Кобылина о томъ, что Смирной не велѣлъ идти на службу „Курмышскаго города ратнымъ людямъ и татарамъ и чувашѣ и мордвѣ",

Послѣ такого доноса Елагину оставалось открыто присоединиться къ той или другой партіи. Онъ предпочелъ бы, кажется, принять приглашеніе арзамасскаго воеводы, который звалъ его идти вмѣстѣ къ Москвѣ, но „казанскаго государства служилые и жилецкіе люди", узнавъ объ этомъ приглашеніи, предупредили Смирного, что арзамасцамъ вѣрить нечего, „потому что въ Арзамасѣ стрѣльцы заворовали. А буде ты, Смирный, писали казанцы, учнешь впредь такъ дѣлати, ратныхъ людей собравъ, въ Нижней не пошлешь и съ казанскимъ государствомъ учнешь рознь чинити—и мы, не ходя въ Нижней, со всѣми ратными людьми придемъ подъ Курмышъ и тебя Смирнова взявъ отошлемъ въ Казань или въ Нижней Новгородъ. Да сослався съ Нижнемъ Новгородомъ, и надъ Арзамасомъ учнемъ промышляти, чтобы воровъ отъ воровства и крови пролитья унятн".

Еще до полученія арзамасской грамоты Елагинъ писалъ въ Нижній, чтобы Спицова, говорившаго „во весь міръ на смуту" о нежеланіи курмышанъ присоединиться къ нижего-

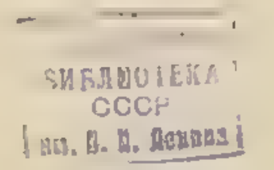
родскому ополченію, призвали для сыску въ Нижній. На это изъ Нижняго отвѣтили, что слѣдуетъ въ Нижній прислать и тѣхъ людей, которые „про то дѣло, про Бориса (Синцова) сказывали“.

Послѣ казанской грамоты Елагинъ рѣшилъ исполнить это требованіе нижегородцевъ. Онъ написалъ въ Нижній, что ему били челомъ „горной стороны торханы и старосты и татаровя и чуваши и черемисы“ и принесли къ нему челобитную на курмышанъ Бориса Синцова и Данилу Кобылина „о сыску въ смутномъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ обвинители Елагина сами становились обвиняемыми. Смирной послалъ челобитчиковъ вмѣстѣ со своей отпиской и челобитной въ Нижній. Но тамъ произошло совсѣмъ не то, чего хотѣлъ Елагинъ.

На допросѣ челобитчикамъ прочтена была ихъ жалоба, и оказалось что они такой жалобы не писали и не подавали, „а знамена—де у тоя челобитныя не ихъ“. Послѣ разоблаченія новаго „захода“ Елагина, какимъ оказалась жалоба инородцевъ на Синцова и Кобылина, кн. Пожарскій не медля написалъ объ этомъ „курмышскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, сотникамъ стрѣлецкимъ, стрѣльцамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ и государевымъ крестьянамъ“ и послалъ въ Курмышъ воеводой Дмитрія Жедринскаго съ дьякомъ Ѳомой Кутеповымъ.

Елагину оставалось только подчиниться приказу кн. Пожарскаго. Но и тутъ у Елагина нашлась отговорка. Онъ воспользовался опиской подъячаго, писавшаго грамоту кн. Пожарскаго, и не соглашался признать новаго воеводу, такъ какъ въ грамотѣ было написано, что новый воевода назначенъ „на Смирново мѣсто М о т о в и л о в а“. Часть курмышанъ поддерживала Елагина, но вскорѣ недруги стараго воеводы взяли верхъ и на земскомъ совѣтѣ признали воеводой Жедринскаго, который обѣщалъ Елагину наказать подъячаго, „по грѣхамъ“ прописавшаго Смирного Мотовилова вмѣсто Елагина.

Что дѣлалъ дальше крючкотворъ-воевода, „грамоты и отписки“ не говорятъ. Есть среди нихъ двѣ грамоты отъ сторонниковъ тушинскаго вора, засѣвшихъ въ Козмодемьянскѣ.

Эти грамоты, писанныя мѣсяца черезъ три послѣ смѣщенія Елагина, доказываютъ, что онъ сносился въ то время со сторонниками „вора“, продолжавшими величать его „государевымъ воеводой“. Сталъ ли онъ снова воеводой или въ Курмышѣ удержался Жедринскій,—неизвѣстно.

Съ состояніемъ Курмыша въ началѣ XVII вѣка знакомитъ писцовая книга 1623—1626 годовъ [1]. Она начинается описаніемъ крѣпости, бывшей въ то время въ очень неудовлетворительномъ состояніи. Вокругъ города „надолобы“ обвалились, „а частику кругомъ города нѣтъ“. Въ 1618 году начали было ставить дубовый острогъ вокругъ посада, но острогъ этотъ „былъ, не додѣлавъ, покинутъ“. Угольная башня у воеводскаго двора сгорѣла. Вообще, какъ видно изъ писцовой книги, правительство не заботилось о поддержаніи курмышскаго „города“. Онъ не былъ уже нуженъ. Сторожевая служба Курмыша перешла въ то время къ Алатырю. Въ половинѣ же XVII в., съ устройствомъ симбирско-карсунской черты и построеніемъ городковъ Юшанска, Уреня, Тагая, Карсуна, Сухого Касуна, Малаго Касуна, Тольска, Алгаша и Сурскаго острога—Курмышъ оказался вдали отъ границы.

Кромѣ „города“ Курмышъ заключалъ въ себѣ посадъ и слободы казачью, стрѣлецкую, ямскую и земскихъ посадскихъ людей. Названія слободъ ямской, казачьей и стрѣлецкой сохранились до сихъ поръ (кромѣ этихъ слободъ въ XVIII в. возникла еще инвалидная слободка, въ которой поселились чины инвалидной команды).

Писцовая книга упоминаетъ слѣдующія находившіяся въ „городѣ“ церкви: соборную Успенія Пресв. Богородицы съ придѣлами и церковь во имя Николая чудотворца, — церкви Рождества Пресв. Богородицы и Николая Чудотворца въ Рождественскомъ мужскомъ монастырѣ, бывшемъ на посадѣ. Въ монастырѣ этомъ стояло 11 келій, въ которыхъ жило 9 старцевъ съ игуменомъ Іоной. Въ концѣ казанской и стрѣлецкой

---

[1] Симбирск. Сборн., т. II.

слободы за недоконченнымъ въ 1618 г. острогомъ былъ женскій монастырь Троицкій съ церковью живоначальной Троицы. Въ монастырѣ было 10 келій, въ которыхъ обитало 13 старицъ, „да двѣ кельи пустыхъ“.

Въ настоящее время монастырей въ Курмышѣ нѣтъ больше, но церкви за исключеніемъ Никольской, бывшей въ мужскомъ монастырѣ, существуютъ на тѣхъ же мѣстахъ, вѣроятно, что и въ XVII вѣкѣ. По церквамъ можно приблизительно опредѣлить мѣстоположеніе „города“, давно уже не существующаго („городъ“ курмышскій сгорѣлъ въ 1745 году).

Подробно перечисляя дворы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывая и число жителей мужескаго пола въ каждомъ дворѣ, писцовая книга даетъ возможность опредѣлить приблизительно число домовъ и жителей въ Курмышѣ XVII вѣка. Именно, по данныхъ писцовой книги, въ Курмышѣ въ 1623—1626 г.г. было 279 дворовъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ «городѣ».	Число дворовъ.	Число жител. м. п.
Воеводскій дворъ (въ которомъ находилась съѣзжая изба, государевъ дворъ и четыре житницы)	1	—
Другихъ дворовъ (изъ нихъ 3 амбара и 14 житницъ)	28	—
На посадѣ.		
Кабакъ (изба кабацкая, погребъ съ напогребницею, пивоварня, заводъ кабацкой государевъ)	1	—
Дворъ «аманацкой»	1	—
Дворы вязмичевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [1])	6	—
Въ казачьей слободѣ		
Дворы казачьи	52	—
Дворовъ бобылей	2	3
Въ стрѣлецкой слободѣ.		
Дворы стрѣльцовъ	72	75
— бобылей	10	14

[1]) Кромѣ того, противъ большихъ крѣпостныхъ воротъ 25 лавокъ и полокъ.

— черкасскіе	8	8
— толмачевы	6	6
— пушкарскіе	6	9
— кузнецовъ	2	2
— плотниковъ	2	2
— пивоваровъ	1	2
Въ слободѣ земскихъ посадскихъ людей.		
Дворы черныхъ посадскихъ людей	21	29
— бобылей	7	8
Въ ямской слободѣ.		
Дворы ямщиковъ	20	31
Дворы бобылей при монастыряхъ	33	40

Изъ общаго числа 279 дворовъ 29 находилось въ „городѣ", 8 (не считая лавокъ) на посадѣ, а остальные въ слободахъ. Въ 190 дворахъ указано число душъ, именно всего 239 чел. м. п. или, въ среднемъ, по 1, 25 жит. м. п. на 1 дворъ. Общую цифру народонаселенія Курмыша въ началѣ XVII в. можно, слѣдовательно, опредѣлить приблизительно въ 350 челов. м. п., а съ женщинами—до 700 чел.

Весьма вѣроятно, что въ то время число жителей Курмыша стало постепенно уменьшаться. Какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ писцовой книги, служилые люди составили болѣе двухъ третей всего населенія, а съ основаніемъ новыхъ укрѣпленій на симбирско-карсунской пограничной чертѣ они переводились, вѣроятно, на службу въ новые „города". Число же дворовъ посадскихъ людей въ Курмышѣ увеличилось впродолженіи XVII в. очень незначительно. Въ 1623—1626 г.г. этихъ дворовъ было 21, а въ 1681 году—28 [1]). Сбору съ посадскихъ лавокъ въ 1623 г. положено было 9 р. 15 алтынъ, а въ 1681 г.—25 р. 6 алт. 4 деньги.

Писцовая книга даетъ подробныя свѣдѣнія о поземельной собственности жителей Курмыша — стрѣльцовъ и казаковъ. Именно, согласно писцовой книгѣ, во владѣніи стрѣльцовъ и казаковъ находилось земли:

[1]) Симб. Сборн. II, 12.

	ВСЕГО.		На 1 дворъ.	
	У стрѣльц.	У казаковъ.	(72 двора) у стрѣльц.	(52 двора) у казак.
Пашни въ полѣ.	200 четв.	600 четв.	2,77 четв.	11,53 четв.
Перелогу.	50 —	300 —	0,69 —	5,76 —
Дикаго поля.	32 —	150 —	0,44 —	2,88 —
Лѣсу.	450 десят.	900 десят.	6,25 дес.	17,5 дес.
Сѣнокосовъ	1500 копенъ.	5300 копенъ.	—	—

О жизни Курмыша съ тридцатыхъ годовъ XVII вѣка и до конца XVIII въ напечатанныхъ доселѣ матеріалахъ извѣстій сохранилось очень немного. Надо полагать, что Курмышъ, лишенный съ проведеніемъ симбирско-карсунской черты своего былого стратегическаго значенія и переведеный на мирное положеніе, хирѣлъ все больше и больше. „Достопамятныхъ происшествій“ за это время, кромѣ волненій во время Разинскаго бунта и Пугачевщины, никакихъ, повидимому, не случалось. Объ обыденной же, такъ сказать, жизни Курмыша за указанное время сохранилось лишь два отрывочныхъ извѣстія, относящихся къ XVII вѣку, и нѣсколько болѣе—къ XVIII столѣтію.

Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни въ старые годы зависитъ отъ печальной участи, постигшей старые курмышскіе документы и „дѣла“. Какъ намъ передавали, курмышскія „бумаги“ были отвезены для разборки въ Симбирскъ и тамъ сгорѣли во время пожара 1864 года. Оставшіяся же въ Курмышѣ старыя „дѣла“ или были употреблены на обертку товаровъ въ лавкахъ, или разобраны любознательными курмышанами для домашнихъ надобностей.

Упомянутыя нами два извѣстія о жизни Курмыша въ XVII вѣкѣ относятся къ 1633 и 1680 годамъ.

Въ 1633 году [1]) въ Курмышъ, Ядринъ и Алатырь посланы были взятые въ плѣнъ подъ Смоленскомъ польскіе, ли-

[1]) «Акты историч.», III, № 219.

товскіе и нѣмецкіе люди. Воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было „полоняниковъ держать и кормить и беречи“, чтобы „гдѣ польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди не разбѣжались“. Въ Курмышъ присланы были къ воеводѣ Ивану Нармацкому нѣмчинъ Григорій Франберекъ и полякъ Христопъ Ябловской, а къ подъячему Лукину—полякъ Парамонъ Малаховскій.

Въ 1680 году [1]) въ Курмышѣ была учреждена таможня для товаровъ, шедшихъ на Макарьевскую ярмарку. Пошлины съ этихъ товаровъ шли въ пользу Макарьевскаго монастыря.

Во время Разинскаго бунта въ Курмышскомъ уѣздѣ, точно также какъ и въ сосѣднихъ Цывильскомъ, Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козмодемьянскомъ, волновались преимущественно инородцы. Они собрались было идти къ Разину, но послѣ первыхъ стычекъ съ войскомъ кн. Данилы Барятинскаго инородческое ополченіе, состоявшее изъ 10,000 человѣкъ, разбѣжалось.

Барятинскій изъ Козмодемьянскаго уѣзда черезъ Васильсурскъ пошелъ къ Ядрину, гдѣ встрѣтилъ неожиданно упорное сопротивленіе. Тамъ засѣло около пятисотъ казаковъ, которые сначала отчаянно защищались; увидѣвъ же, что Барятинскій обладаетъ большими силами, казаки эти разбѣжались.

Отъ Ядрина Барятинскій двинулся къ Курмышу, гдѣ находилось одна изъ разинскихъ шаекъ. Подъ начальствомъ казака Максима Осипова шайка эта пришла въ Курмышъ изъ Алатыря и была встрѣчена съ большимъ почетомъ воеводой и жителями. Вслѣдствіе этого Курмышъ не былъ разграбленъ, а воевода остался на воеводствѣ. Пробывъ нѣсколько времени въ курмышѣ, „курмышскій отаманишко“ Максимъ Осиповъ ушелъ (въ сент. 1670 г.) осаждать макарьевскій монастырь, оставивъ въ Курмышскомъ „городѣ“ часть своей шайки. Когда Барятинскій подошелъ къ Курмышу, воровскіе казаки разбѣжались. Барятинскій казнилъ наиболѣе виновныхъ курмышанъ, а остальныхъ привелъ къ присягѣ.

[1]) Симб. Сборн., II, 12.

Во время бунта Стенька Разина Курмышъ уцѣлѣлъ. Не то было сто четыре года спустя, въ Пугачевщину, когда Курмышъ былъ почти совершенно разоренъ несмотря на покладистость большинства его обитателей, присягнувшихъ на вѣрность самозванцу.

20 іюня 1774 года Пугачевъ пришелъ къ Курмышу изъ-подъ Казани. Жители встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солью, съ образами и колокольнымъ звономъ. Преданіе разсказываетъ, что, вступивъ въ городъ, Пугачевъ велѣлъ прочесть въ соборѣ „манифестъ". Послѣ чтенія манифеста былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ царю Петру Ѳеодоровичу. Пугачевъ роздалъ чувашамъ казенное вино и соль, освободилъ преступниковъ изъ острога [1]) и поставилъ курмышскимъ воеводой какого-то казака.

Впродолженіе восьми дней неистовствовали пугачевцы въ Курмышѣ. Прежде всего они принялись вѣшать не успѣвшихъ своевременно убѣжать дворянъ. Были повѣшены также начальникъ инвалидной команды Вас. Юрловъ, противъ воли котораго жители приняли самозванца, и одинъ унтеръ офицеръ, не захотѣвшій присягнуть Пугачеву. Жена Юрлова спаслась съ помощью своихъ дворовыхъ людей.

По словамъ преданія, Пугачевъ изъ всѣхъ дворянъ, захваченныхъ въ Курмышѣ, пощадилъ одного только малолѣтка—Бобоѣдова. Мальчика потащили было къ висѣлицѣ не смотря на мольбы его дядьки, когда одинъ изъ холоповъ Бобоѣдова, приставшихъ къ самозванцу, замѣтилъ, что жаль вѣшать мальчика, потому что тотъ плясать хорошо умѣетъ. Пугачевъ сказалъ: „пусть попляшетъ на нашемъ царскомъ пиру; угодитъ, прощу". Бобоѣдовъ „угодилъ", дѣйствительно, своей пляской самозванцу и получилъ свободу.

Въ Курмышѣ и курмышскомъ уѣздѣ особенно много было умерщвлено священно-и церковнослужителей, именно священниковъ было убито 12 человѣкъ, дьяконовъ — 10 при

[1]) Н. Я. Аристовъ. «Преданія объ истор. лицахъ и событіяхъ», Истор. Вѣстн., 1880, III, 5.

чтниковъ — 16 [1]). Это явленіе можно объяснить излишнимъ усердіемъ инородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть по отношенію къ духовенству и злобу выразили практически [2]).

Станъ Пугачевцевъ въ Курмышѣ былъ расположенъ у озера, прозваннаго впослѣдствіи Рельскимъ (рели-висѣлицы). Казни совершались, кромѣ того, и на большой дорогѣ вблизи слободы Новой Деревни. На мѣстѣ этомъ было повѣшено, какъ разсказываютъ старожилы, восемнадцать человѣкъ. Теперь тамъ стоитъ небольшая часовенка.

Простоявъ восемь дней въ Курмышѣ, разграбивъ пожитки дворянъ и болѣе зажиточныхъ людей, Пугачевъ двинулся къ Ядрину, а въ Курмышѣ оставилъ шестьдесятъ холоповъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ. Вблизи Ядрина Пугачевъ узналъ, что противъ него идутъ правительственныя войска, и поспѣшно сталъ отступать къ Алатырю.

Преслѣдовавшій Пугачева графъ Меллинъ, направляясь къ Алатырю, выгналъ мятежниковъ изъ Курмыша, а захваченныхъ въ плѣнъ повѣсилъ, кромѣ самозваннаго воеводы, который былъ взятъ гр. Меллинымъ, какъ „языкъ". Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но „для соблюденія интереса ея величества". Они „слезно просили отпущенія сего невольнаго грѣха, ибо не что иное ихъ къ сему привело, какъ смертный страхъ" [3]).

Кромѣ Пугачевщины въ исторіи Курмыша XVIII в. нѣтъ ничего выдающагося. Она сводится къ административнымъ перемѣнамъ. Въ 1708 г. Курмышъ былъ причисленъ къ казанской губерніи, въ 1719 г. сталъ уѣзднымъ городомъ сначала симбирскаго намѣстничества, а потомъ губерніи. Въ томъ же году городу былъ пожалованъ гербъ: въ зеленомъ полѣ два золотыхъ лука, положены крестомъ, „въ знакъ того, что обитате-

---

[1]) Пушкинъ. «Исторія Пугачевск. бунта».

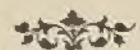
[2]) Аристовъ. «Преданія».

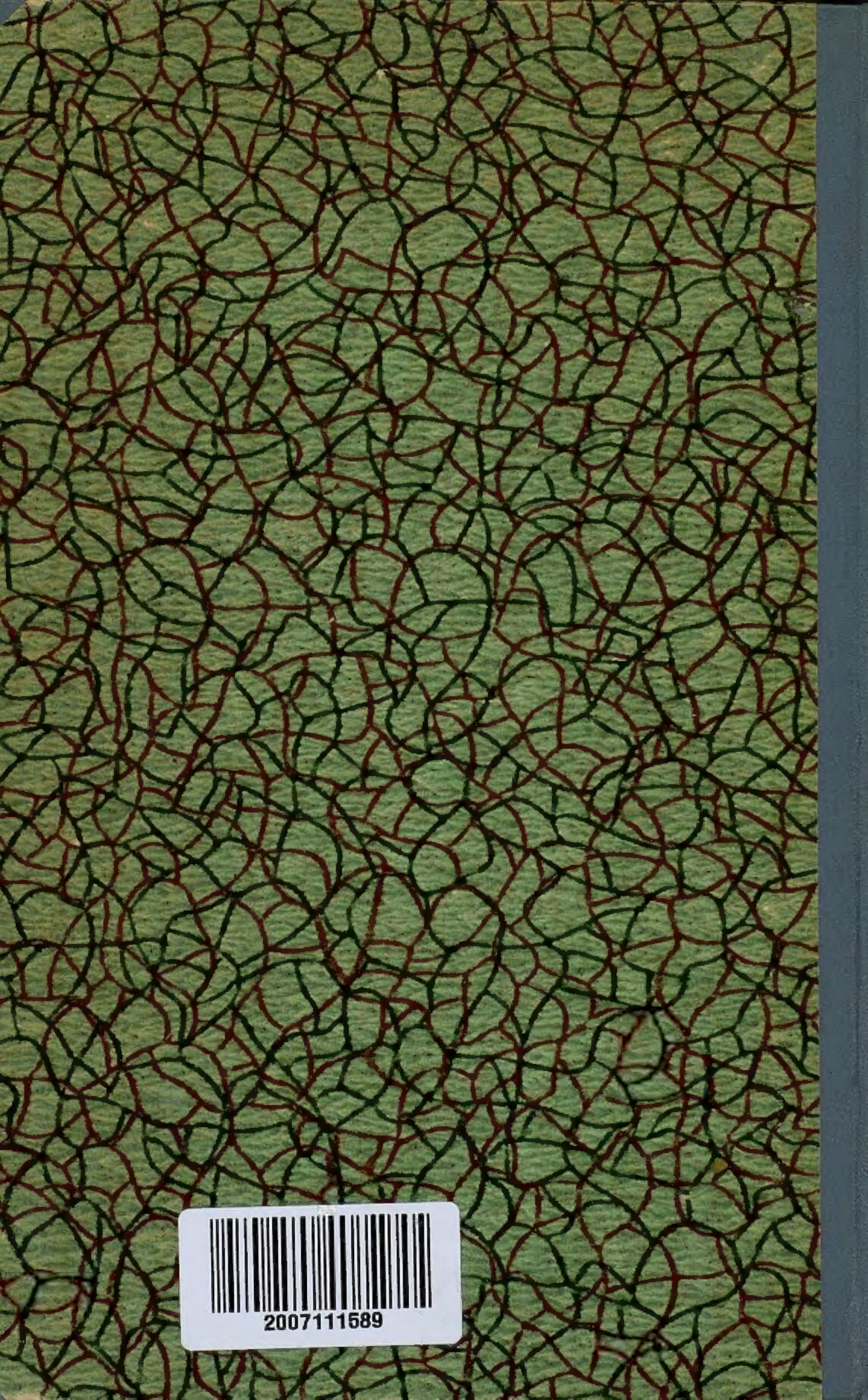
[3]) Пушкинъ. Истор. Пуг. бунта».

ли сихъ мѣстъ употребляли сіе орудіе съ отличнымъ проворствомъ.

Курмышъ долго не могъ оправиться послѣ Пугачевскаго разоренія. Въ географическомъ словарѣ Новикова 1788 г. (томъ II) о Курмышѣ говорится, что въ немъ жителей 595 (изъ нихъ мѣщанъ 53), церквей каменныхъ 4 и деревянныхъ 3, лавокъ и амбаровъ 10, домовъ — 294, немногимъ болѣе, чѣмъ въ 1624 году... „Словарь“ почему-то считаетъ Курмышъ „достойнымъ упоминанія по состоящей въономъ инвалидной командѣ“.

Н. Акаемовъ.

2007111589